

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 155-165, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(57) "18/19"

Relations between settlers and indigenous population of the Steppe Territory in colonization process during the second half of XIX-th – early XX-th centuries

Michael K. Churkin ^{a, *}, Bakyt S. Tokmurzayev ^a, Almagul A. Sirbayeva ^b

^a Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^b "Sirdariya" University, Zhetysai, Kazakhstan

Abstract

The period of the second half of XIX-th - early XX-th centuries was a time of the Russian sedentism intrusion into the Steppe Territory of Western Siberia, the beginning of the agricultural colonization of the region. Illegal migration practice to Akmola and Semipalatinsk region, intensified in the 1870s, stimulated the production of new imperial strategy of the Steppe Territory development, which resulted in the change of the colonization vector, when its main subject and the actor became the peasantry. As a consequence, the agricultural development area of the steppe regions becomes the scene of collisions between economic and socio-cultural interests of local communities: settlers and indigenous population of the region. The relationships of these groups in the economic and socio-psychological aspects, during the chronological period under study, were the subject of imperial policy aimed at involving autochthonous groups into the empire-wide space.

Keywords: settlers, indigenous population, central and regional authorities, the imperial practices.

1. Введение

Аграрное освоение Степного края Западной Сибири, начавшееся в 1870-х гг., явилось одним из проявлений имперской политики России в отношении восточных окраин страны. В данной связи, неотъемлемой частью имперского проекта колонизации степных областей, можно назвать внедрение практик, направленных на оценку и урегулирование взаимоотношений между переселенцами из европейских губерний России и коренным населением региона, реализуемых в мероприятиях центральной и местной региональной бюрократии.

2. Материалы и методы

Работа основывается на источниках законодательного характера, а также материалов официального делопроизводства, извлечённых из фондов Центрального государственного архива республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО), что выразилось в привлечении к исследованию вопроса регулирования взаимоотношений переселенцев и коренного сегмента социума Степного края документов отчётной категории, переписки чиновничества центрального и регионального звеньев управления, нормативно-правовых актов, в разные годы регулировавших поземельные отношения мигрантов и автохтонного населения степных областей Западной Сибири. Включение в исследовательский конструкт названных источников, позволило выявить содержание имперских практик в аспекте инкорпорации различных акторов колонизации в общеимперское пространство.

* Corresponding author

E-mail addresses: proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), a.sirbayeva@mail.ru (Almagul A. Sirbayeva)

Методологической базой исследования являются научно-исследовательские подходы и практики «новой истории империи», позволившие раскрыть модели взаимодействия центральных и региональных властей по вопросам интеграции локальных сообществ региона в российское социокультурное пространство, а также наработок проекта «новой локальной истории», что дало возможность рассматривать Степной край Западной Сибири в исследуемый временной промежуток в качестве единого коммуникативного поля.

3. Обсуждение

В отечественной и национальной казахстанской историографии, тема взаимоотношений локальных сообществ переселенцев и коренного населения региона, обсуждалась в качестве знакового сюжета империостроительства, что определило постоянное присутствие идеологической составляющей в характеристике социальных, политических и культурных аспектов колониационного процесса. В работах исследователей второй половины XIX – начала XXI вв. были выявлены социально-экономические условия, обеспечившие продуктивность земледельческого освоения степных пространств, описаны усилия центральной власти по распространению в крае аграрных практик, в масштабах научной полемики установлены последствия эскалации аграрных переселений для коренного населения региона, охарактеризована степень вовлечённости и социальные функции локальных сообществ в колониационном процессе (Балакшин, 1887: 56; Bassin, 1993: 479; Нурғалиев, 1995: 268; Бекмаханова, 1986: 286; Rieber, 2007: 332; Ремнёв и др., 2013: 248; Чуркин, 2001: 116).

В качестве общего знаменателя в исследовании проблемы, следует отметить признание учёным сообществом факта потенциального присутствия конфликтности между названными группами, располагавшейся в двух плоскостях: экономической, предполагавшей возникновение и эскалацию противоречий по вопросу поземельных отношений между группами, и социально-психологической, что было обусловлено столкновением в колонизируемом регионе представителей различных культурных типов. Последний момент представляется весьма существенным, поскольку перемещение в зоны аграрной колонизации крестьянства во второй половине XIX столетия, осуществлялось уже на фоне осознания империей собственного призвания к преобразованию «пространства, предназначенного для пастбищ, в зоны сельского хозяйства» (Ларюэль, 2004: 123). Для государства и переселенцев колонизация степных пространств за Уралом, разворачивалась в формате уверенности, что эти земли – «лишние» и «бесполезные» для местного населения, а потому могут быть заняты в результате «завоевания» или трудового «освоения», обращены в «общенародное достояние», воспринимаемое в традиционных категориях «божественного» или «царского» дара. В таких условиях крестьянское переселенческое движение достигало в российской общественно-политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи (Ремнёв и др., 2013: 248). Таким образом, шёл процесс ментального освоения сибирских территорий, которые в массовом сознании, прежде всего крестьянском, реализующем имперское видение проблемы, воспринимались как земли русские, «наши».

Кроме прочего, как определил М.К. Любавский «...могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им» (Любавский, 1996: 474).

4. Результаты

Переходя к вопросу о причинах и содержании конфликтов переселенцев с «инородческим» сегментом населения в плоскости экономической, а также реакции и деятельности властей в этой сфере, необходимо остановиться на вопросе формирования колониационного фонда в Степном крае.

Очевидно, что до Великой реформы крестьянская колонизация, и, соответственно образование в степных областях Западной Сибири фонда для организации переселенческих хозяйств, не входили в разряд стратегических задач имперской политики России. Только после ликвидации системы крепостных отношений и с возникновением двойственной ситуации – обретением крестьянством возможности выхода в сочетании с расширявшимся малоземельем, вопрос о территориальном рассредоточении избыточной массы крестьянства, приобрёл остроту и значимость.

В 1875 г., после признания Н.Г. Казнаковым в качестве необходимости привлечения к колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края лиц земледельческого сословия, были предприняты первые шаги к обнаружению удобных для поселения мест и их обмежеванию. В результате подготовительных работ, в Акмолинской области, при почтовых и торговых трактах была отмежевана земля для образования 30 посёлков, в 19 из которых водворилось 4 000 переселенцев (Остафьев, 1897: 151).

«Сбои» и неопределённость в организации переселенческой практики, в начальный период аграрной колонизации степных районов, во многом предопределили взрывоопасность последующих взаимоотношений переселенцев с коренным населением региона. Проблема заключалась в том, что несмотря на запреты и ограничения, которые с точки зрения административной бюрократии были призваны привести в соответствии формируемый колониационный фонд с реальным

переселенческим движением, заселение Степного края продолжало осуществляться «теньвыми», не фиксируемыми властями мигрантами. Один из исследователей переселенческого движения в Сибирь, А. Омельченко, писал: «Наше переселение носит какой-то вулканический характер: то Курская губерния выбросит из себя тысячи человек, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи в Сибирь, через год не могут выделить нескольких десятков» (Чуркин, 2006: 199).

Так, в Акмолинской области, переселенческая масса в 1870–1880-х гг. стала активно оседать на киргизских землях в качестве арендаторов, основывая здесь посёлки «невзирая на протесты киргизских обществ» (Остафьев, 1897: 151). В 1884 г. администрацией были обнаружены переселенческие деревни «Явленная» и «Кундук» в 50 дворов, образовавшиеся на киргизских землях Акмолинской области вопреки воле правительства (Остафьев, 1897: 151).

В менявшихся условиях экономической жизни Сибири, происходили и определённые трансформации в организации переселенческого дела. В данной связи, на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1885 года мнения Государственного Совета, при Западно-Сибирском Управлении государственными имуществами был мобилизован особый отряд чинов по образованию из казенных земель Западной Сибири переселенческих участков (Азиатская Россия, 1914: 638). В период с 1885 года по 1893 гг. переселенческим отрядом на территории Степного края было образовано 28 участков площадью в 284 843 десятины земли, из которых 251 779 дес. в границах Акмолинской области; 33 064 – в пределах области Семипалатинской (Шиловский, 2006: 112).

Со строительством Сибирской железной дороги и учреждением Комитета Сибирской железной дороги в 1892 г. происходит очередная рекогносцировка, прямо коснувшаяся переселенческой практики и заготовки колонизационного фонда. Так, проводимые в Степном крае землеотводные работы, стали учитывать вероятность заселения этих местностей самовольными переселенцами. До учреждения КСЖД, на землеотводные работы и водворение переселенцев, начиная с 1885 года, отпускалось всего 40 000 рублей в год; КСЖД, уже в первый год своего существования отпустил на заготовление переселенческих участков 229 550 рублей (Бекмаханова, 1986: 94). С организацией Переселенческого управления все работы по образованию переселенческого земельного фонда были сосредоточены в его районных отделениях.

В конце XIX – начале XX в.в. на территории Степного края было организованы 5 переселенческих районов со своими переселенческими партиями: для северных уездов Акмолинской области в 1863 г., для южных – в 1896 г.; для Тургайской области – в 1896 г.; для Семипалатинской – в 1900 г.; для Уральской – в 1904 г. и для Семиреченской – в 1905 г. По статистическим и исследовательским данным, только за период с 1870 по 1896 гг. на территорию степных областей переселилось 416 270 крестьян, разместившихся по преимуществу на лучших плодородных землях Степного края, и в первую очередь Акмолинской области (Бекмаханова, 1986: 94). К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей было образовано 43 волости, а в пользовании русского населения находилось 1,4 миллиона десятин земли (Сулейменов и др., 1981: 138). Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у коренного населения более 88 тысяч десятин земли (Сулейменов и др., 1981: 138). Симптоматично, что в оценке предварительных результатов формирования колонизационного фонда в Степном крае, редкое единодушие проявляли представители российской и национальной элит. Т.И. Седельников, характеризуя обстоятельства организации и деятельности заготовительных партий, констатировал: «Каждая партия организовывалась второпях, на ходу, из разнородных и часто совершенно не пригодных к делу элементов. На ходу же выработывались всякие «инструкции», так как, кроме оклада содержания, никто из состава партии на первых порах не знал ничего определенного относительно своей предстоящей деятельности» (Седельников, 1907: 79). Букейханов А.Н., описывая методики работы по отводу земель в переселенческий фонд, отмечал: «производители работ замышляют в участки наиболее ценные для скотоводства угодья: покосы, зимние пастбища, пашни, лучшие водопои, оставляя киргизам камни, пески, солонцы, болота, безводные степи...» (Нургалиев, 1995: 250-251).

В порядке комментария, необходимо отметить, что амбиции русских поселенцев, на рубеже XIX – XX вв. лишь отчасти амортизировались патерналистскими действиями центральных и региональных властей, когда последние более упорядоченно относились к земельным экспроприациям, проводя изъятие земель не у оседлых, а у кочевых «инородцев», выплачивая им соответствующую компенсацию. Так, сведения об образовании переселенческого участка Тахта-Куль в 1898 г. содержат следующую информацию: «За вошедшие в площадь участка зимовые стойбища киргизов... – выдать владельцам денежное вознаграждение, согласно оценочному акту... в сумме 445 рублей» (ГИАОО, Ф.355. Оп.1. Д.3. Л.5.). Однако, очевидно, что такие действия властей носили, как правило, выборочный или спорадический характер.

Вопрос о качестве земель, в продолжение второй половины XIX – начала XX вв., отводимых в переселенческий фонд, решался, как правило, по прецеденту, когда межуемые земли дифференцировали по признаку: «удобные» и «неудобные». В соответствии с «Инструкцией для межевых работ, производимых в целях заготовления переселенческих и запасных участков и др.» от 5 мая 1903 года в категорию «удобных» угодий были включены: «удобные в сельскохозяйственном отношении земли, к которым относятся: земли удобные для пашни, сенокосы и земли удобные только для пастбищ, леса и кустарники и, наконец, усадебные и приусадебные места». В категорию

неудобных: солонец, камень и каменистые места, песок, глина, кладбища и казахские могилы, овраги, рытвины, обрывы, болота, щелеватости, расположенные под водой, дороги (караванные, кочевые, скотопробные и пр.), доли от площадей, отнесенных к пастбищным угодьям, улицы, проулки и площади (ЦГА РК, Ф. И-19. Оп. 1, Д. 2. Л. 9-9 об.).

Таким образом, включение в понятие «удобные» земли участков, годных для хлебопашества и сенокоса, автоматически лишало «инородцев» возможности их использования, что соответствовало имперскому принципу важности этих земель для переселенцев.

Процесс формирования системы взаимоотношений между русской переселенческой деревней и «инородческими» аулами в Степном крае, отличался сложностью и многообразием. Контакты, главными субъектами которых выступало крестьянство Европейской России, приносившее в регион сложившиеся модели организации жизни и стереотипы экономического поведения, с одной стороны, и представители коренного населения – носители номадического культурного типа – с другой, выстраивались с учётом конкретной ситуации: земельного фонда, соотношения численности групп, активности административной бюрократии.

Соотношение и взаимодействие названных факторов, определяли степень экономического и социокультурного успеха локальных групп в регионе, а также модели взаимоотношений между ними – от взаимовыгодных, до конфликтных. Совершенно очевидно, что интенсивность контактов и длительность совместного проживания, накладывали отпечаток на формировавшиеся способы и модели ведения хозяйства переселенцами и «инородцами» края, способствовали эволюции образа жизни и хозяйственно-экономических отношений.

Системообразующим фактором, послужившим импульсом к формированию основ взаимоотношений исследуемых групп, следует назвать относительную давность русских земледельческих практик в регионе.

В период с 1870 по 1894 гг. главными земледельцами были казаки, так как посев разного рода хлебов составлял у них 98 % общего посева, тогда как у автохтонов оно составляло всего 2%, у крестьян и прочего населения около 9 % (Обзор Акмолинской области, 1915: 39).

В начале 1890-х годов положение начинает постепенно меняться. Так, в 1894 году казачьи посевы достигли 54,5% от общего посевного объёма в крае, мещан 12,4, крестьян 21,8 и инородцев 11,3 (Обзор Акмолинской области, 1915: 39).

Распространение земледелия среди кочевого населения происходило по нескольким основаниям и имело неоднозначные последствия. По утверждению Г.Н. Потанина «хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же, нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях (Потанин, 1861: 2).

Факты производственного сотрудничества крестьян-переселенцев с «инородцами», переходившими к оседлому образу жизни, приводятся в материалах экспедиции Ф.А. Щербина: «Так делал крестьянин, это мы узнали от крестьянина, так водится у крестьян и прочее - постоянно слышалось от киргиз...» (Материалы по киргизскому землепользованию, 1902: 135).

Более сдержанная и реалистичная позиция относительно роли и значения хлебопашества в среде коренного населения, была представлена в размышлениях земского чиновника и статистика А.А.Кауфман: «...для северных степей влияние крестьянской колонизации представляет собой факт... Наплыв переселенцев-арендаторов, давая киргизам возможность освоить земледельческие навыки, вместе с тем оказывает на них деморализующее влияние: зачем в самом деле пахать киргизу пашню, когда он может получить готовую пашню, хлеб, деньги от арендаторов-испольщиков?» (Кауфман, 1905: 79).

Действительно, в условиях отсутствия прав на свободное пользование землей, крестьяне обращались к практике аренды. Не обладая значительными денежными средствами, крестьяне чаще всего прибегали к испольщине, при которой земля и орудия обработки – сохи, бороны, рабочий скот – обыкновенно принадлежали хозяину – «инородцу», а крестьянину переселенцу – навык в использовании этих орудий. Данная форма аренды была привлекательна для автохтонов, так как не требовала значительных затрат и расходов, кроме издержек на покупку сохи и бороны. Что же касается рабочего скота, то кочевое хозяйство в этой сфере исторически не испытывало дефицита (ЦГА РК, Ф.369. Оп.1., Кн.1, Д.1038. Л.23).

Важно отметить, что успешная хозяйственная деятельность переселенцев, испытывавших серьёзный недостаток в финансовых средствах, носила во многом случайный характер и достигалась посредством элементарных навыков предприимчивости. По свидетельству М.А. Терентьева: «...Весной вся степь в зелени и цветах, переселенцы усердно занялись кошением и наматали кругом своих становищ множество стогов сена. К зиме нарыли землянок, засели и ждут... У киргизов, такой моды косить траву нет, а зима подошла снежная, тебеневки невозможны... вот и являются они к русским покупать сено, денег нет — меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось огромное

количество скота — сразу они разбогатели!» (Материалы по киргизскому землепользованию, 1902: 152).

В сложившейся ситуации нестабильности, часто возникали прецеденты, когда автохтоны выступали в качестве кредиторов переселенцев и даже доводили их до определенной зависимости. Так в рапорте Петропавловского Уездного начальника сообщалось: «Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что киргиз Средней волости Байгаска Сандыбаев пользуясь просьбой крестьян селения Всесвятского по непомерно высокой цене и дает деньги под большие проценты. Доказать это обстоятельство путем дознания весьма трудно и потому не представляется возможным привлечь Сандыбаева к соответствующей законной ответственности» (ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3806. Л.3).

Увеличение в структуре населения доли крестьян-переселенцев и рост производства товарного зерна в обстоятельствах отсутствия развитой инфраструктуры (наличие судоходных рек, железных и благоустроенных грунтовых дорог, небольшая емкость внутреннего рынка хлебопродуктов и удаленность от внешних рынков сбыта) привели к тому, что очень быстро потребности в хлебопродуктах на местном уровне были полностью удовлетворены.

По оценкам специалистов, например, Акмолинского уездного начальника А.И. Троицкого, хлебный кризис начал проявляться уже с середины 1890-х гг., когда некоторые крестьяне, имея хлеб, но, не имея возможности его продать, попадали в черные списки: за ними числились большие суммы недоимок по платежам налогов и податей. Тогда самые предприимчивые из них, используя опыт кочевников-скотоводов, стали закупать или выменивать на хлеб молодняк, откармливать его и продавать на Константиновской ярмарке, получая за это наличные деньги.

Таким образом, медленно, но верно разрушалась системность кочевого хозяйства, возникала естественная путаница в кочевых маршрутах, стирались границы родов, провоцируя конфликты, как между отдельными кочевьями, так и между переселенцами и «инородцами» края.

Не прекращавшийся приток в Степной край крестьянского населения, способствовал развитию в среде кочевого населения оригинальной практики распашки своих земель с целью уберечь их от перечисления в колонизационный фонд. О существовании прямой корреляции между появлением переселенцев и увеличением вынужденной распашки, свидетельствуют следующие данные: если в 1892 году в Омском уезде не было ни одного крестьянского поселения и земледелием занимались 29 представителей коренного населения, которыми было посеяно 43 четверти ярового хлеба и 12 четвертей овса, то уже в 1897 году было образовано 25 крестьянских селений при 1 711 семьях и автохтонами уже было засеяно 2 043 пуда яровой пшеницы, 653 – овса, 18 – ярицы (Морозов, 1900: 14).

Подобная ситуация, пусть и принудительно, способствовала развитию земледельческих навыков в «инородческой» среде, однако, отсутствие прав коренного населения на получение ссуд и пособий, зафиксированное законодательно, практически полностью отменяло перспективы земледельческого хозяйства.

Следует отметить, что не только рост переселений являлся стимулом к эскалации конфликтов между локальными группами мигрантов и коренного населения. В.А. Остафьев, например, отмечал невероятную путаницу, сложившуюся в землевладении «инородцев» ещё до начала массовых миграций в Степной край. Представители высшей административной бюрократии столкнулись в регионе с родовым делением волостей, и, признав его неудобным, разделили кочевые владения на волости, что, в конечном счёте, поспособствовало социальному разобщению внутри киргизских родов и значительно стимулировало конфликтность (Остафьев, 1897: 32-33).

Как бы то ни было, на рубеже XIX–XX столетий, конфликты между переселенцами и представителями коренного населения, возникавшие по экономическим поводам, становятся повсеместным явлением.

Одним из распространённых поводов для возникновения конфликта становились потравы, самовольные покосы, и уничтожение призимовочных леса и зимовки.

Проблема, по большому счёту, заключалась в несовпадении представлений крестьян и «инородцев» о границах: автохтоны признавали лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, отказывались понимать своих соседей. На этой почве обычно и возникали столкновения, начинавшиеся с перехода казахского скота через межу крестьянского надела и его потравы. Так, в постановлении № 96 от 8 ноября 1898 г. Вознесенский станичный суд разобрал жалобу крестьянина-казака поселка Вознесенского Епифантия Любых, который просил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева за потравленный хлеб 30 р. 40 коп. В ходе недолгого разбирательства станичный суд «на основании постановленного акта и свидетельских показаний постановил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева в пользу казака пос. Вознесенского Епифантия Любых в связи с понесенными убытками 25 руб.» (ГИАОО, Ф.67. Оп.2., Д.2042. Л.3).

Говоря о социально-психологических аспектах взаимоотношений переселенцев с «инородцами» Степного края, необходимо обратить внимание на то, что конфликты между локальными группами региона, во многом инспирировались имперскими установлениями, на фоне которых культурные антинормы проявлялись наиболее рельефно.

Уже в стартовый период аграрной колонизации края, устами представителей высшей региональной административной бюрократии, были озвучены базовые подходы к устройству в Степном крае коренного населения, в основе которых лежали патерналистские установления. Во Всеподданнейшем отчете Военного губернатора Акмолинской области за 1876 год, прямо говорилось: «Осторожное водворение русских в означенной местности, с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент, и не только не вызывало бы ни какого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив послужило бы по мнению моему к их же обеспечению в экономическом отношении усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения, но, что бы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке, ...этот порядок мог бы заключаться в том, чтобы в начале, поселения состояли из небольшого числа дворов и располагались бы на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, устанавливая сообщения между степными городами... При таком порядке заселения степей постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевое хозяйство на отдельные пространства...» (ГИАОО, Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.561 -об. 562).

Данная идея, в полной мере укладывалась в контекст уже сформировавшихся в имперском сознании убеждений, озвученных Ф.Г. Тернером о том, что «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа...большему сплочению этих стран с Россией» (Кауфман, 1905: 5).

Таким образом, аграрное переселение в Сибирь вообще, и в Степной край, в частности, риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности.

В данном отношении, водворение и обустройство крестьян переселенцев в Степном крае, равно как и практические мероприятия чиновничества различных рангов, заметно стимулировались этим миссионерским, в сущности – имперским ощущением.

Симптоматично, что массовое крестьянское монархическое сознание оказалось внутренне подготовлено к поддержанию и трансляции миссионерских установок империи. Несмотря на возникавшие прецеденты запрета или ограничения переселений, большинство крестьян было твёрдо убеждено в том, что за их спинами стоит именно царская власть, а они реализуют царскую волю. В том случае, когда переселение не было санкционировано правительством, самовольные мигранты, по прибытию в Сибирь, были уверены в своей правоте, требуя от властей вспомоществований в обустройстве: «Мы царские и земля царская... Мы явились..., и, следовательно, имеем право селиться» (ЦГА РК, Ф. 369. Оп.1. Д.4591. Л.30).

Используя прагматичную философию крестьянства, власти, стремились не только к экономическому освоению новых территорий, но и присвоению таковых, прикреплению их к государственному ядру. Характерно, что в начале XX в., когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» включается в программные установки правых партий: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет оплот против желтого нашествия» (Ухтубужский, 1913: 11).

Миссионерский апломб в отношении Степного края, точно зафиксировал в своей статье С. Пономарёв: «Невольно чувствуется близкое падение обособленности края; невольно прислушиваешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосающей высокой, рослой и наливной пшеницей» (Пономарёв, 1884: 141). Исследователи взаимоотношений русского и «иностранного» населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам» (Чуркин, 2000: 23)

Имперские черты сознания, носителями которых на степных окраинах страны выступали крестьяне-переселенцы, в отдельных эпизодах, приобретали агрессивные формы. Так, даже представители местной администрации, сориентированные центром на оказание содействия переселенческому движению, признавали, что прибывшие из России крестьяне настроены в духе насильственных захватов. В рапорте Петропавловского уездного начальника Акмолинскому губернатору отмечалось: «прибывшие из России крестьяне настроены вообще в духе насильственных земельных захватов, к этому следует отнести полное незнание киргизов, иного скотоводческого хозяйства, бытовых а также исторических условий жизни и современного поземельного устройства. В силу изложенных причин на сходах раздавались речи, что земля, занимаемая киргизами – есть казенная, и при этом свободная, так как на огромных пространствах не встречается поселков, аулов или отдельных хуторов, что вся казенная земля должна поступить в пользование крестьян, и что об этом им объявлялось в России. Некоторые лица, особенно из числа запасных солдат, не стесняясь, высказывали, что киргизы собаки, и что их следует потеснить» (ЦГА РК, Ф. 369. Оп.1., Кн.1, Д.952. Л.18 об.). Последний аргумент представлялся переселенцам вполне законным, поскольку

освобождение коренных народов от воинской повинности становилось основанием для утеснения их в земельных правах.

Примечательно, что если в локальных конфликтах, разворачивавшихся в ходе аграрной колонизации Степного края, переселенцы руководствовались миссионерскими, основанными на «монархических» убеждениях, доводами, то представители коренного населения, апеллировали своими историческими правами, которые базировались на «официальных грамотах», потерявших юридическую силу, но обосновывавших законность их проживания и кочевания.

В данной ситуации, возникал уже не конфликт интересов, а конфликт культур и стереотипов поведения. Крестьянам казались дикими протесты кочевников – стеснения в землепользовании, они считали странным жалобы номадов – «пасти скот негде», когда везде была «безбрежная степь».

Значимым фактором, оказавшим влияние на конфликтный характер взаимоотношений конкурирующих локальных групп в регионе, следует назвать характер и подходы к организации переселенцами хозяйственной деятельности в регионе. А.А. Кауфман, полемизируя с корреспондентами «Русского вестника» о причинах подвижности российского крестьянства, полагал, что причина таковой заключалась не только в традиционном малоземелье, но и способе земледелия, при котором экстенсивные формы хлебопашества, исторически становились неотъемлемой практикой в крестьянском производстве. Данные практики транслировались и в новых обстоятельствах жизни в условиях Степного края, где «киргизская степь с её лёгкой и дешёвой арендой, создаёт благоприятную среду для азартного и спекулятивного хозяйства» (Кауфман, 1905: 334). Далее, А.А. Кауфман резюмировал: «На почве лёгкой... создаётся особый тип переселенца, который вовсе не думает о прочной оседлости, следовательно, не имеет надобности заботиться о земле. Когда истощится надел, он будет арендовать киргизскую землю, когда истощатся в округе и киргизские земли, - он переселится ещё куда-нибудь» (Кауфман, 1905: 334). В практической плоскости, имперская тональность, с характерным восхищением «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией, сочеталась с негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничества в отношении природных ресурсов и беспредела в эксплуатации туземного населения.

Имперские власти, столкнувшись в Степном крае с проблемой регулярной конфликтности, пытались предпринимать меры, направленные на предупреждение столкновений между переселенческим и «иностранческим» населением. Однако, эти решения, по сути дела носили паллиативный и не системный характер, растворяясь в общей программе аграрной колонизации, ориентированной на «присвоение» региона и включение его в общеимперское пространство. Так, во Всеподданнейшем отчёте Военного губернатора Акмолинской области, содержались сведения об устройстве в 1875 и 1876 гг. мужских и женских и интернатов для коренного населения края, а также отданных распоряжениях об устройстве в мужских интернатах сельскохозяйственных ферм, на которые киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов. Однако, цель, которую ставили перед собой организаторы, вряд ли могла в полной мере ликвидировать почву для возникновения конфликтных отношений: «...для проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими,... чтобы при помощи этих интернатов проводить в степях понятие о русском сельском хозяйстве (ГИАОО, Ф. 3. Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.).

По заключению В.А. Остафьева, опыт учреждения сельскохозяйственных школ и интернатов, не мог быть положительным хотя бы потому, что сами слова «земледелец», «пахарь», в наречии коренных народов имели ярко выраженный негативный оттенок. Поэтому, утверждает В.А. Остафьев, «киргизы, когда начальство предложило добровольно ставить в открытые сельскохозяйственные школы по одному мальчику и одной девочке – отказались наотрез...» (Остафьев, 1897: 55). Ситуация с распространением передовых земледельческих знаний в «иностранческой» среде, осталось неизменной и в начале XX в. Т.И. Тихонов, в докладе о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Степном крае, с горечью констатировал, что девять сельскохозяйственных школ, организованных к 1903 г. в регионе, ни одного киргиза не сделали земледельцем или хорошим хозяином. С точки зрения крестьянского чиновника, русская грамота и русский язык, которым выучились автохтоны в школах, «...создавали в степи более лёгкий труд волостного писаря, который живёт куда лучше бедного джатака-земледельца» (Седельников, 1907: 48).

В целом, общероссийский проект организации сельскохозяйственных школ для переселенцев, тематических аграрных чтений и бесед, в областях Степного края реализовывался не регулярно, а попытки интенсификации крестьянского хозяйства не дали сколько-нибудь серьёзных результатов.

5. Заключение

Таким образом, реализация имперского проекта аграрной колонизации Степного края Западной Сибири, осуществлялась во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях интенсификации переселенческого процесса, что инициировало активное практическое включение административных органов и аппарата чиновников в подготовительные мероприятия по образованию колонизационного фонда. Землеустроительные и межевые работы в регионе имели не только технический характер, но и важное идеологическое содержание. Акцентуация имперских

приоритетов значительно усиливалась в процессе изъятия так называемых «излишних» земель у коренного населения, что свидетельствовало о смене патерналистских принципов, собственнической политикой в отношении организации быта и хозяйственной деятельности автохтонов.

В сложившейся обстановке, крестьянство, невольно оказавшееся в роли своеобразного «представителя» интересов Российской империи в областях Степного края, получило серьёзные материальные и, главным образом, моральные прерогативы при обустройстве и водворении в регионе. С одной стороны, данный процесс способствовал лучшей организации практик вспомоществования переселенцам, являлся фактором примирения радикально настроенной народнической интеллигенции с государством, с другой – инициировал конфликты между мигрантами и «инородцами».

В экономическом отношении, переселенческое движение в Степной край, представляло собой традиционный опыт трансляции русским крестьянством стереотипов хозяйственного поведения с ориентацией на экстенсивные земледельческие практики, что приводило к регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «инородческим» населением региона.

Сближение ареалов проживания и экономической деятельности русских новосёлков с коренными этническими группами края, способствовало переходу конфликтов в социально-психологическую и культурную плоскость, когда и без того напряжённые отношения приобретали формы откровенного противостояния и вражды.

Литература

Азиатская Россия, 1914 - Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). СПб.: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т.1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 576, II с.: ил., 69 л.ил., карт. Т. 2: Земля и хозяйство. [4], 638 с.

Балакшин, 1887 - Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. 56 с.

Bassin, 1993 - Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: the Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of the Modern History. 1993. N 65. P. 473–511.

Бекмаханова, 1986 - Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1986. 94 с.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.3. Главное управление Западной Сибири. Оп.8. Д.13315. Л.561 -об. 562.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.355. Чиновник особых поручений переселенческого управления. Оп.1. Д.3. Л.5.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Оп.2., Д.2042. Л.3.

Кауфман, 1905 - Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 445 с.

Ларюэль, 2004 - Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: «Ната-лис», 2004. 287 с.

Любавский, 1996 - Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 474 с.

Материалы по киргизскому землепользованию 1902 - Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей / Департамент гос. зем. Имуществ: Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902. 235 с.

Морозов, 1900 - Морозов А. А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году //Записки ЗСОИРГО. Омск, 1900. Кн. XXVII. 1-25 с.

Нургалиев, 1995 - Букейханов А. Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора // Букейханов А. Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. с.250-251.

Обзор Акмолинской области 1915 - Обзор Акмолинской области. За 1914 год. Омск, 1915. 39 с.

Остафьев, 1897 - Остафьев В. А. Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб.: Б.м., 1897. 151 с.

Пономарёв, 1884 - Пономарёв С.О. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т.5. 141 с.

Потанин, 1861 - Потанин Г. Н. Заметка о хлебопашестве в киргизской степи / Г. Н. Потанин // Газета для сельских хозяев. 1861. № 18. 1 ноября. 2 с.

Rieber, 2007 - Rieber Alfred J. «Colonizing Eurasia», Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007. P. 269, 272.

Ремнёв и др., 2013 - Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.

Седелников, 1907 - Седелников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 127 с.

Сулейменов, Басин 1981 - Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука», 1981. 247 с.

Ухтубужский, 1913 - Ухтубужский П. Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Жёлтая опасность / С послесловием В.М.Пуришкевича. СПб.: Типография Товарищества «Свет», 1913. 11 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1. Д.4591. Л.30.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.1, Д.952. Л.18 об.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И-19. Заведующий переселенческим делом в Семипалатинском районе главного управления землеустройства и земледелия г. Верного Семиреченской области. Оп. 1, Д. 2. Л. 9-9 об.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.2., Д.380б. Л.3.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1., Кн.1, Д.1038. Л.23.

Чуркин, 2000 - Чуркин М.К. Культурный и этнопсихологический аспект взаимоотношений переселенцев из европейских губерний России и инородцев Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Евразийского университета. 2000. № 1. С.21-27.

Чуркин, 2006 - Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Шиловский, 2006 - Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Издательский дом "Сова", 2006. 135 с.

References

Asian Russia, 1914 - Aziatskaya Rossiya: v 3 t. s atlasom (polnyi komplekt). [Asian Russia: 3 m. With an atlas, (complete set)]. SPb.: Publication of Resettlement Department chief management of land management and agriculture, 1914. Volume 1: People and orders beyond the Urals. VIII, 576, II.: Ill., 69 l.il., maps. T. 2: Land and Agriculture. [4] 638 p. (In Russian)

Balakshin, 1887 - Balakshin N.N. O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh. [About Kirghiz and all Muslims subordinated to Russia]. St Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1887. 56 p. (In Russian)

Bassin, 1993 - Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: the Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of the Modern History. 1993. N 65. P. 473–511

Bekmakhanov, 1986 - Bekmakhanov N.E. Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epokhu kapitalizma (60-e gody XIX v. - 1917 g.). [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (the 60s of XIX century. - 1917)]. M.: Nauka, 1986. 94 p. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F. 3. Glavnoe upravlenie Zapadnoi Sibiri. [General Administration of Western Siberia]. Op 9, 15380. D. L. 229-233 of. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F. 3. Glavnoe upravlenie Zapadnoi Sibiri. [General Directorate of Western Siberia]. Op.8. D.13315. -About L.561. 562. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F.355. Chinovnik osobykh poruchenii pereselencheskogo upravleniya. [An official for special assignments at Resettlement Administration]. Op.1. E.3. L.5. (In Russian)

The State Historical Archives of Omsk region (SHAOR). F.67. Voiskovoe khozyaistvennoe pravlenie Sibirskogo kazach'ego voiska. [Siberian Cossack Army economic board Cossack army]. Op.2., D.2042. L.3. (In Russian)

Kaufman, 1905 - Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizaciya: [S pril.]. [The resettlement and colonization: [With appendix]]. St.Petersburg: Publ. "Obshestvennaya polza", 1905. 445 p. (In Russian)

Laruelle, 2004 - Laruelle M. Ideologiya russkogo evraziizta, ili Mysli o velichii imperii [Ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts about the greatness of the empire]. M.: "Nata-lis", 2004. 287 p. (In Russian)

Liubavskii, 1996 - Liubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizacii [Review the history of Russian colonization]. M.: Publishing House of Moscow University, 1996, 474 p. (In Russian)

Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu 1902 - Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspedicii po issledovaniyu stepnykh oblastei. [Materials on the Kyrgyz land use 1902 - Materials on the Kyrgyz land use collected and developed by expedition to study the steppe regions] / Department of State Land Possessions: Akmola region, Omsk district. Omsk, 1902. 235 p. (In Russian)

Morozov, 1900 - Morozov A.A. Pereselencheskie poselki Omskogo uezda v 1897 godu. [Resettlement villages Omsk county in 1897] // Notes ZSOIRGO. Omsk, 1900. Kn. XXVII. pp.1-25. (In Russian)

Nurgaliev, 1995 - Bukeikhanov A. Kirgizy na soveshchaniy Stepnogo general-gubernatora. [Kirgiz at a meeting of the Steppe Governor-General A]. // Bukeikhanov Tandamaly (favorites) / Ed. R. Nurgaliev. A.: «Cossack entsiklopediyasy», 1995. pp. 250-251. (In Russian)

Review of the Akmola region 1915 - Obzor Akmolinskoi oblasti. Za 1914 god [Review of the Akmola region. For 1914]. Omsk, 1915. 39 p. (In Russian)

Ostafyev, 1897 - Ostafyev V.A. Ocherk Akmolinskoi oblasti. [Studies of the Akmola region] // Details about Siberia. SPb.: BM, 1897. 151 p. (In Russian)

Ponomarev, 1884 - Ponomarev S.O. Leto sredi pereselencev. [Summer among the settlers] // Herald of Europe. 1884 V.5. 141 p. (In Russian)

Potanin, 1861 - Potanin G.N. Zametka o khlebopashestve v kirgizskoi stepi. [Note on arable farming in the Kirghiz steppe] / G.N.Potanin // Newspaper for farmers. 1861. № 18. November 1st. 2 p. (In Russian)

Rieber, 2007 - Rieber Alfred J. «Colonizing Eurasia», Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007. P. 269, 272.

Remnev i dr., 2013 - Remnev A.V. Suvorova N.G. Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i nacional'nye scenariy vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: monografiya. [The colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenario, the second half of XIX - early XX century: a monograph]. Omsk: Publishing House "Science", 2013. 248 p. (In Russian)

Sedelnikov, 1907 - Sedelnikov T.I. Bor'ba za zemlyu v kirgizskoi stepi (Kirgizskii zemel'nyi vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva). [The struggle for land in the Kirghiz steppe (Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. SPb.: Publishing after A. Charushnikova and C. Dorovatovskogo, 1907. 127 p. (In Russian)

Suleimenov i dr., 1981 - Suleimenov B.S., Basin V.Y. Kazakhstan v sostave Rossii. [Kazakhstan within Russia]. Alma-Ata: "Science", 1981. 247 p. (In Russian)

Uhtubuzhsky P. Russkii narod v Azii. I) Pereselenie v Sibir'. II) Zheltaya opasnost' / S poslesloviem V.M.Purishkevicha. [Russian people in Asia. I) The relocation to Siberia. II) Yellow danger / With an afterword V.M.Purishkevicha]. SPb.: Printing Partnership "Svet", 1913. 11 p. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1. D.4591. L.30. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Book 1, D.952. L.18 on. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. I-19. Zaveduyushchii pereselencheskim delom v Semipalatinskoy oblasti glavnoy upravleniya zemleustroystva i zemledeliya g. Vernoy Semirechenskoy oblasti. [Head of colonization affair in the Semipalatinsk region of the main department of agriculture and land management at Vernyi town in Semirechensk region]. Op. 1, 2. D. L. 9-9 vol. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F.369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Kn.2., D.3806. L.3. (In Russian)

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F.369. Akmolinskoe oblastnoe pravlenie MVD. [Akmola regional board of the Interior Ministry]. Op.1., Book 1, D.1038. L.23. (In Russian)

Churkin, 2000 - Churkin M.K. Kulturnyj i etnologiceskij aspekt vzaimootnoshenij pereselencev iz evropejskikh gubernij Rossii i inorodcev Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nacale XX vv. // Vestnik Evrazijskogo universiteta. 2000. № 1. pp.21-27.

Churkin, 2006 - Churkin M.K. Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropejskoi Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii. [Resettlement of peasants from black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of XIX - early XX centuries.: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk University OGPU, 2006. 376 p. (In Russian)

Shilovskiy, 2006 - Sibirskie pereseleniya. Vypusk 2. Komitet Sibirskoy zheleznoy dorogi kak organizator pereselenii: Sbornik dokumentov. [Siberian resettlement. 2nd Issue of the Siberian railway as an organizer of migrations: Collection of documents] / Editor. Ed. M.V Shilovskiy. Novosibirsk: Publishing House "Sova", 2006. 135 p. (In Russian)

УДК 94(57) "18/19"

Взаимоотношения переселенцев и коренного населения Степного края в колониационном процессе второй половины XIX – начала XX вв.

Михаил Константинович Чуркин ^{a, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^a, Алмагуль Абдиевна Сирбаева ^b

^a Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^b Университет "Сырдария", Жетысай, Казахстан

Аннотация. Период второй половины XIX – начала XX вв. стал временем проникновения русской оседлости в Степной край Западной Сибири, началом аграрной колонизации региона. Нелегитимная практика переселений в Акмолинскую и Семипалатинскую области, усилившаяся в 1870-х гг. стимулировала выработку новых имперских стратегий освоения Степного края, что выразилось в смене вектора колонизации, когда главным её субъектом и действующим лицом становится крестьянство. В результате, зона аграрного освоения степных областей, становится ареной столкновения хозяйственно-экономических и социокультурных интересов локальных сообществ: переселенцев и коренного населения края. Взаимоотношения данных групп, в экономическом и социально-психологическом аспектах, в исследуемый хронологический отрезок, являлись предметом имперской политики, направленной на вовлечение автохтонных групп населения в общеимперское пространство.

Ключевые слова: переселенцы, коренное население, центральные и региональные власти, имперские практики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин),

b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев), a.sirbayeva@mail.ru (А.А. Сирбаева)